

УДК 336.22:004

DOI: 10.34670/AR.2025.82.92.058

Налогообложение информационного мира: концепция, механизмы и перспективы

Сивков Евгений Владимирович

Кандидат экономических наук,
налоговый консультант,
независимый эксперт,

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: evg@sivkov.biz

Аннотация

Цифровая экономика быстро трансформирует глобальный рынок, создавая новые вызовы для налоговых систем. Традиционные принципы налогообложения, основанные на материальных объектах и территориальном присутствии, оказываются недостаточными для охвата нематериальных активов, таких как данные, алгоритмы, вычислительные мощности и виртуальные активы. Это приводит к размыванию налоговой базы и необходимости пересмотра налоговых механизмов. Статья рассматривает теоретические основы налогообложения «невидимого» в цифровую эпоху, включая концепцию «цифрового присутствия» и новые подходы к идентификации налоговых обязательств компаний, не имеющих физического офиса в стране. Методология включает в себя общенаучные принципы: литературный анализ, синтез, обобщение. Особое внимание уделяется вопросам налогообложения данных, виртуальных активов и цифровых услуг, а также анализу международного опыта, включая проекты BEPS ОЭСР, введение цифровых налогов (DST) и минимального глобального налога. Предлагаются перспективные меры для адаптации налоговой системы России к реалиям цифровой экономики, включая расширение налоговой базы, внедрение цифровых налогов, регулирование криптовалют и усиление международного сотрудничества. Современные налоговые механизмы должны учитывать новые экономические реалии, обеспечивая справедливое налогообложение и предотвращая эрозию налоговых поступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Сивков Е.В. Налогообложение информационного мира: концепция, механизмы и перспективы // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 1А. С. 583-596. DOI: 10.34670/AR.2025.82.92.058

Ключевые слова

Цифровая экономика, цифровые налоги, активы, налогообложение, ценные бумаги, рынки.

Введение

Цифровая экономика стремительно разрастается и охватывает все больше сфер бизнеса и жизни. Однако многие **«невидимые»** продукты и услуги информационного мира выпадают из традиционной системы налогового обложения. Данные, алгоритмы, вычислительные мощности и виртуальные активы не имеют осязаемой формы, не привязаны к конкретной территории, что затрудняет их идентификацию в качестве объектов налогообложения. В результате государствам сложно применять к ним существующие налоговые правила, разработанные в индустриальную эпоху. Многие виды электронного бизнеса фактически ускользают от налогообложения, поскольку действующие нормы не позволяют эффективно охватить их налоговой базой. Это создает вызовы для налоговых систем: с одной стороны, возникает риск эрозии налоговой базы и выпадения доходов бюджета; с другой – искажается конкурентная среда, ведь традиционные компании облагаются налогами, а цифровые экосистемы могут пользоваться неоправданными преимуществами.

В такой ситуации формируется **теоретическая база «налогообложения незримого»** – комплекс концепций и подходов к обложению налогом тех явлений, которые не имеют материальной формы, но создают экономическую ценность. К «незримым» объектам относятся прежде всего данные (информация о пользователях, big data), вычислительные ресурсы (мощности дата-центров, алгоритмы искусственного интеллекта), потребляемая в цифровых процессах энергия, а также виртуальные активы (криптовалюты, токены, цифровые права). Современная теория налогообложения признает необходимость адаптации принципов налогообложения к этим новым объектам. В международной повестке дня (например, в рамках проекта BEPS ОЭСР) активно обсуждается пересмотр налоговых правил в ответ на вызовы цифровизации. Ниже рассмотрены механизмы налогообложения ключевых «невидимых» объектов цифровой экономики, проанализирован зарубежный опыт и текущее состояние в России, а также предложены перспективные меры по внедрению цифровых налогов.

Теоретические основы налогообложения «невидимого» в цифровую эпоху

Цифровая экономика и проблема налоговой юрисдикции. Традиционная налоговая система опирается на принцип территориальности и наличие материальных носителей стоимости. В цифровой среде стоимость создается за счет нематериальных факторов – знаний, информации, сетевых эффектов. Крупнейшие технологические компании могут получать доходы в странах присутствия пользователей, не имея там физического офиса. Это ставит под сомнение классическое понятие постоянного представительства для целей налогообложения прибыли. Возникает концепция «цифрового присутствия» – предложения считать существенную цифровую активность (например, множество пользователей или объем собираемых данных) основанием для налогообложения компании в стране-потребителе, даже без физического офиса. ОЭСР в рамках Плана BEPS (Действие 1) рекомендовала изучить цифровые бизнес-модели и при необходимости скорректировать определение налоговой юрисдикции и распределение налоговой базы между странами. Теоретической основой здесь служит поиск новой налоговой связки (nexus), учитывающей незримое присутствие бизнеса через интернет.

Данные как новый фактор производства. Данные пользователей нередко сравнивают с нефтью XXI века по их ценности для бизнеса. Однако, в отличие от нефти, сбор и использование

данных практически не облагаются налогом напрямую. Компании получают огромные массивы персональной информации бесплатно, монетизируют их через таргетированную рекламу и аналитику, уплачивая налоги лишь с итоговой прибыли (да и то в юрисдикциях с льготным режимом). Теоретики выдвигают идею рассматривать данные как самостоятельный объект налогообложения – например, облагать налогом сам факт сбора или продажи персональных данных. Такой подход опирается на классический принцип: если государство хочет сдержать чрезмерное потребление ресурса или негативное воздействие, вводится налог (primum: «если хочешь чего-то меньше – обложи это налогом»). В данном случае цель – снизить чрезмерно агрессивный сбор данных о гражданах и предоставить компаниям фискальный стимул более ответственно обращаться с информацией.

«Незримые» товары и услуги. Помимо данных, в цифровой экономике появились полностью виртуальные товары (цифровой контент, игровые ценности, NFT) и услуги (доступ к облачным вычислениям, SaaS-платформы). Эти объекты трудно классифицировать в традиционных налоговых категориях – это не материальный товар, но и не услуга в классическом понимании. Теоретики налогообложения предлагают расширить определения объекта налогообложения. Например, в НДС включаются категории «электронные услуги», а в налогообложении имущества – новые виды нематериальных ценностей (цифровые права, крипто-активы). Появляются идеи «налога на биты» – своеобразного акциза на передачу цифровых данных. Еще в 1990-х предлагалось взимать небольшую плату с каждого мегабайта интернет-трафика или электронной транзакции, рассматривая информационный поток как объект, подобный товарному потоку через границу. Хотя такие идеи тогда не реализовали (в частности, из-за рисков торможения развития интернета), они заложили основу для современных дискуссий о налогообложении информационных потоков.

Баланс стимулов и фискальных интересов. Теоретическая база налогообложения «незримого» ищет компромисс между стимулированием инноваций и обеспечением равенства налоговой нагрузки. Чрезмерные налоги на цифровые инновации могут тормозить прогресс, тогда как отсутствие налогов – лишать бюджет доходов и создавать перекосы. Например, идея «налога на роботов» предполагает обложение компаний за использование технологий, заменяющих труд человека. Цель – компенсировать выпадающие поступления от подоходного налога работников и финансировать переобучение безработных. Однако важно не подавить при этом роботизацию, которая повышает общую производительность. Билл Гейтс, комментируя эту идею, отметил, что фундаментально налоги взимаются либо с труда, либо с капитала, и робот по сути является капиталом – следовательно, логично облагать его наравне с другими формами капитала. В теории это означает сдвиг налогового бремени с труда на высокотехнологичный капитал. Таким образом, налогообложение информационного мира требует новых подходов к определению объектов налога, оценке их стоимости и распределению налоговых прав между странами, чтобы сохранить эффективность и справедливость налоговой системы.

Механизмы налогообложения данных, вычислительных ресурсов, энергии и виртуальных активов

Налогообложение данных. Прямое налогообложение данных – пока что скорее концепция, чем повсеместная практика. Различные эксперты предлагают взимать плату за сбор и обработку персональных данных. Например, высказывалась идея облагать компании подобно

коммунальной услуге: налог на объем собираемых данных, по аналогии с оплатой воды или электричества. В 2017 г. представитель Фонда Рокфеллера в *The New York Times* предложил считать персональные данные объектом, движущимся по созданной интернет-провайдерами «инфраструктуре», которую можно облагать на входе и выходе, как дороги для данных. Однако на практике реализовать налог на данные сложно: нужно определить единицы измерения (записи, байты?), оценить ценность разных видов данных, избежать двойного налогообложения. Европейский союз несколько лет обсуждал введение налога на цифровую деятельность – в частности, рассматривалась возможность облагать «след данных», который пользователь оставляет на сайте, приравнивая его к покупке рекламного пространства. Консенсус среди стран ЕС не был достигнут, и многие государства пошли на *унитарные меры* – ввели собственные налоги на цифровые услуги, косвенно связанные с монетизацией данных пользователей. В США на уровне штатов тоже были попытки обложить именно данные: например, в штате Мэриленд в 2021 г. принят налог на доходы от интернет-рекламы (по сути, с монетизации пользовательских данных), а в Нью-Йорке и Калифорнии предлагались прямые налоги за каждое использование данных жителей (в Калифорнии обсуждалась ставка 7,25% на транзакции по «извлечению данных»). Пока такие инициативы находятся в стадии экспериментов и обсуждений. Фактически налогообложение данных сегодня реализуется *опосредованно* – через налоги на цифровые сервисы, получение прибыли от рекламы и т.п., где объем собираемых данных отражается в конечном доходе компании, облагаемом традиционными налогами.

Налогообложение вычислительных ресурсов. К вычислительным ресурсам можно отнести мощности дата-центров, серверов и алгоритмов, которые являются основой современных информационных сервисов. Непрямая форма их налогообложения – это обложение той экономии, которую бизнес получает благодаря автоматизации и применению ИИ. Налог на робототехнику (роботов), упомянутый выше, – типичный пример идеи обложить рост производительности от ИИ и машин. В ряде стран на высоком уровне обсуждалось введение подобного налога. Так, сооснователь Microsoft Билл Гейтс в 2017 году публично предлагал облагать налогом роботизированный труд, чтобы замедлить сокращение рабочих мест и финансировать социальные расходы [1]. В Южной Корее в 2018 году рассматривали ограничение инвестиционных вычетов для предприятий, активно внедряющих роботизацию (что прозвали «косвенным налогом на роботов»). В России в 2023 году член Совета Федерации Елена Афанасьева также предложила взимать дополнительный налог с компаний, которые заменяют людей на робототехнику, а поступления направлять на пособия безработным [2]. Пока эти меры не реализованы законодательно, но отражают нарастающий интерес к налогообложению искусственного интеллекта и автоматизации. Другой подход – обложение самих вычислительных операций. В академической литературе обсуждается введение налога на вычислительные мощности: например, устанавливать плату за использование мощностей сверх определенного лимита, либо взимать акциз с продажи облачных услуг. Пока такие меры не получили распространения. В реальности государства скорее стимулируют развитие центров обработки данных (льготами по имуществу и электроэнергии), осознавая их важность для экономики. Таким образом, прямое налогообложение вычислительных ресурсов находится в зачатке, чаще звучит как идея «на будущее» – в случае, если технологическая безработица существенно возрастет или если несколько ИИ-монополистов будут получать *сверхдоходы*, не делясь с обществом.

Налогообложение энергии в цифровом секторе. Энергопотребление – осязаемая составляющая цифровой экономики, особенно в таких процессах, как майнинг криптовалют и

работа крупных дата-центров. Налоги на энергию обычно применяются как экологический инструмент (акцизы на электроэнергию, углеродный налог). Однако в последнее время обсуждается целенаправленное налогообложение энергии, потребляемой информационными сервисами, чтобы учесть внешние эффекты (нагрузка на сети, выбросы CO₂ от дата-центров) и получить доход с быстрорастущего сектора. Яркий пример – попытка в США ввести специальный налог на энергопотребление майнеров криптовалют. В 2023 году администрация президента Джо Байдена предложила налог DAME (Digital Asset Mining Energy) – федеральный акциз в размере до 30% от стоимости электроэнергии, потребляемой при майнинге цифровых активов. Предполагалось взимать его постепенно (10% в первый год с доведением до 30%) и таким образом компенсировать экологический ущерб от энергоемкого майнинга и стимулировать «ответственное развитие цифровых активов». По оценкам, на момент предложения майнинг потреблял до 2,3% всей электроэнергии в США. Хотя эта инициатива не прошла через Конгресс (ее исключили при согласовании бюджета), сам факт ее появления показывает новый тренд. Другой пример – Казахстан, одна из ведущих стран по добыче криптовалют, с 2022 года ввел плату за цифровой майнинг в размере 1 тенге за киловатт-час потребленной электроэнергии. Этот налог на энергию напрямую привязан к объему электроэнергии, используемой майнерами, и призван одновременно увеличить бюджетные поступления и сдержать нагрузку на энергосистему. Таким образом, мы видим, что энергия как скрытый ресурс цифрового мира начинает рассматриваться законодателями: либо через общие механизмы (повышение тарифов и акцизов для энергоемких IT-отраслей), либо через специальные сборы с майнеров, крупных дата-центров и т.п. [9] В перспективе, с усилением экологической повестки, такие налоги могут расширяться – например, *дифференцированные ставки* в зависимости от использования возобновляемой энергии (как планируется делать в Казахстане для «зеленого» майнинга) или налоги на сверхнормативное потребление энергии IT-компаниями.

Налогообложение виртуальных активов. Виртуальные активы – одна из наиболее обсуждаемых категорий «незримого» богатства. Сюда относятся криптовалюты (Bitcoin, Ethereum и др.), токены, цифровые права (например, utility токены на услуги) и NFT (невзаимозаменяемые токены, удостоверяющие право собственности на цифровые объекты искусства, коллекционные предметы и т.п.) [3,4]. Первоначально криптовалюты создавались как децентрализованные и внеправовые инструменты, что усложняло их налогообложение. Однако по мере роста рынка (общая капитализация криптовалют достигала триллионов долларов) правительства вынуждены были определить налоговый режим. Международная практика складывается следующим образом: большинство стран трактуют криптовалюты не как валюту, а как имущественный актив. Так, Налоговая служба США (IRS) прямо указала, что для целей налогообложения цифровые активы рассматриваются как *имущество, а не валюта*. Это означает, что операции с ними облагаются так же, как сделки с другим имуществом: например, прирост стоимости (курс вырос с момента покупки) облагается налогом на прирост капитала. Аналогичный подход в Европейском союзе и других юрисдикциях: налоговые органы требуют декларировать доходы от продажи крипто-активов, обмена их на фиатные деньги или оплаты товаров. Ставки и режим зависят от статуса налогоплательщика – для физических лиц обычно применяются ставки подоходного налога (например, 20-25% в ряде стран ЕС, 15-20% в США для долгосрочных инвестиций), для предприятий – налог на прибыль организаций. Некоторые страны предоставляли льготы: например, Германия освобождает от налога прирост по криптовалюте, если она была в собственности более года (аналог долевого инвестиционного

актива), Португалия до недавнего времени не облагала доходы частных лиц от криптовалют, если это не профессиональная деятельность. Но общая тенденция – включение операций с виртуальными активами в налоговое поле [6,8].

Отдельно стоит вопрос НДС и аналогичных налогов с продаж в отношении криптовалют. Поскольку криптоактивы не имеют статуса законного платежного средства, большинство стран освобождают их обмен от НДС (как операции с валютой или финансовыми инструментами). Суд Европейского союза (решение по делу Hedqvist, 2015) признал обмен криптовалюты на фиат аналогичным обмену валют, освобожденному от НДС. Следовательно, в ЕС сделки купли-продажи крипто не облагаются НДС. Того же принципа придерживаются и другие – чтобы не поставить участников цифрового рынка в двойной налоговый гнет (и налог с оборота, и с дохода). Однако если криптовалюта используется для оплаты товаров и услуг, сама поставка товаров облагается НДС по обычным правилам, просто стоимость рассчитывается в перерасчете на фиат.

Механизмы контроля и администрирования виртуальных активов также являются важной частью налоговой системы. Многие страны вводят требования к отчетности: например, в США в декларациях теперь отдельный вопрос, касающийся операций с цифровыми активами, и закон об инфраструктуре 2021 г. расширил определение брокеров для охвата криптобирж – чтобы они сообщали данные о клиентах в налоговые органы. В ЕС готовится внедрение системы обмена информацией DAC8, обязывающей платформы раскрывать сведения о криптоактивах клиентов. Эти меры призваны уменьшить анонимность криптовалют, которая исторически позволяла уклоняться от налогов.

Международный опыт налогообложения цифровой экономики

Мировое сообщество за последнее десятилетие выработало несколько направлений решения проблемы налогообложения «цифры». Рассмотрим наиболее заметные меры международной практики:

- 1) Расширение охвата НДС на цифровые услуги. Многие страны, включая Россию, с середины 2010-х изменили законодательство, чтобы облагать налогом потребление электронных услуг. Например, в Евросоюзе с 2015 года действует правило MOSS (мини-единое окно), по которому услуги электронной торговли облагаются НДС по ставке страны потребителя, а иностранные поставщики должны регистрироваться налогоплательщиками. В России с 2017 года введен так называемый «налог на Google» – требование уплачивать НДС иностранным компаниям, продающим электронный контент и сервисы российским пользователям. Таким образом государства ликвидируют лазейку, когда зарубежные IT-компании работали без НДС, создавая неравные условия с локальным бизнесом. Этот шаг существенно расширил налоговую базу за счет трансграничных цифровых услуг (в РФ, по данным ФНС, за первые годы десятки миллиардов рублей поступили от НДС с электронных услуг).
- 2) Налоги на цифровые услуги (Digital Services Tax, DST). Ряд стран ввели специальные налоги на доход крупных цифровых корпораций, которые зарабатывают в данной стране на пользователях, но уплачивают минимумы корпоративного налога из-за отсутствия постоянного представительства. Франция одной из первых внедрила такой налог в 2019 году, установив ставку 3% на выручку от предоставления цифровых услуг во Франции (цифровых площадок, целевой рекламы и передачи пользовательских данных), если

глобальная выручка компании превышает €750 млн, а французская – €25 млн. По оценкам, этот налог приносит Франции около €400–500 млн в год, компенсируя часть недополученного налога на прибыль крупных IT-фирм. Индия пошла своим путем: еще в 2016 г. ввела «уравнительный сбор» 6% с платежей за цифровую рекламу иностранным компаниям, а с 2020 г. расширила его 2%-ным налогом на весь объем электронных торговых услуг, оказываемых нерезидентами индийским пользователям. Этот налог (известный как *Equalization Levy*) охватывает практически все онлайн-услуги иностранных поставщиков в Индии и взимается с валовой выручки, прямо увязывая доход от данных и интернет-трафика с фискальными обязанностями. Великобритания ввела в 2020 г. налог 2% на доходы от предоставления услуг поисковых систем, социальных сетей и онлайн-маркетплейсов в Британии для крупных международных групп (с выручкой выше £500 млн глобально). Подобные *Digital Services Taxes* также действуют или утверждены в Австрии, Италии, Испании, Турции, ряде других стран Европы и Азии. Хотя ставки этих налогов невысоки и их поступления составляют небольшую долю ВВП, они стали важным временным решением, пока не выработан глобальный консенсус. Соединенные Штаты критиковали DST, считая их дискриминационными против американских компаний, и даже грозили торговыми мерами в ответ. Тем не менее многие государства посчитали введение DST необходимым для справедливого налогообложения цифровых гигантов, и согласны отменить их лишь при внедрении глобального решения ОЭСР [5,6,8].

- 3) Глобальная реформа налогообложения прибыли (проект ОЭСР G20). С 2019 года ведется работа над комплексным решением проблемы налогообложения цифровой экономики на международном уровне. Речь идет о двух взаимосвязанных инициативах: Пиллар Один – перераспределение прав на налогообложение сверхприбыли крупнейших транснациональных компаний (прежде всего цифровых) в пользу стран, где находятся пользователи и рынки сбыта; Пиллар Два – введение глобального минимального налога на прибыль корпораций (15%), чтобы устранить стимулы вывода прибыли в низконалоговые юрисдикции. По состоянию на 2023 год около 140 стран, включая Россию, поддержали общий подход. Если соглашение будет реализовано, страны с большим рынком (в том числе РФ) получат право облагать часть глобальной прибыли таких корпораций, как Google, Meta, Amazon, пропорционально пользователям на своей территории – даже если формально у компании нет в стране офиса. Это существенно обновит столетние принципы международного налогового права. Однако внедрение встречает трудности – требуется ратификация многими парламентами, разработка единых правил. Старт Пиллара Один отложен как минимум до 2025 года. В то же время Пиллар Два (глобальный минимальный налог) уже начинает внедряться в некоторых юрисдикциях с 2024 года. Международный опыт показывает: в отсутствии глобальных соглашений страны действуют самостоятельно (DST, сравнительные налоги), но оптимальным считается многосторонний подход, устраняющий двойное налогообложение и налоговые конфликты [8,9].
- 4) Налогообложение криптовалют и цифровых активов. В сфере виртуальных активов международный опыт пока разнится, но есть и общие черты. Как отмечалось, большинство развитых стран квалифицируют криптовалюты как имущество для целей налога на доход/прибыль. Например, в США требования к декларированию крипто-операций ужесточаются каждый год, а с 2024 вводится обязанность брокеров (бирж)

предоставлять налоговым органам информацию о клиентах, торгующих цифровыми активами. В Евросоюзе готовится норматив (DAC8) с аналогичными положениями. Некоторые юрисдикции пошли по пути создания специальных режимов: Германия для частных инвесторов освобождает от налога продажи криптовалюты, держанной более года, стимулируя долгосрочное владение. Эль-Сальвадор признал биткойн законным платежным средством и, соответственно, операции с ним не облагаются налогом на прирост (так же, как курсовая разница по обычной валюте). Швейцария позволяет в некоторых кантонах платить налоги криптовалютой, а нормативная база относит ее к иностранной валюте. Беларусь с 2018 по 2023 год установила мораторий на налоги с операций резидентов ПВТ с токенами, чтобы привлечь блокчейн-бизнес – фактически временно освободила криптоактивы от налогообложения. В то же время Китай и ряд других стран Азии заняли противоположную позицию – вместо налогообложения выбрали запрет: в КНР с 2021 полностью запрещен оборот и майнинг криптовалют, поэтому вопрос их налогообложения там снят. В целом международный опыт с виртуальными активами находится в стадии становления: регуляторы пробуют разные подходы – от интеграции их в существующую систему налогообложения до создания отдельных законов или полного запрета.

Подводя итог, можно отметить: за рубежом идут активные эксперименты и реформы в сфере налогообложения информационной экономики. Европейские и азиатские государства вводят налоги на цифровые услуги и вырабатывают унифицированные правила, США и ОЭСР продвигают глобальные соглашения, развивающиеся страны ищут способы защитить свою базу (как Индия с *equalization levy*). Этот накопленный опыт дает ориентиры и для России.

Российские реалии и перспективы цифрового налогообложения

Текущая ситуация в России. В российской налоговой системе элементы налогообложения цифровой экономики внедряются постепенно. Первый значимый шаг – упомянутый «налог на Google» (формально это поправки в Налоговый кодекс о налогообложении электронных услуг). С 1 января 2017 года иностранные организации, продающие россиянам цифровой контент (программы, музыку, видео, рекламные услуги в интернете и др.), обязаны встать на учет в ФНС и уплачивать НДС с этих операций. Эта мера ликвидировала преимущество зарубежных онлайн-сервисов, ранее не плативших НДС, перед российскими компаниями, для которых налог был встроен в цены. В 2019 году правила расширили и на B2B-сектор: НДС обязали платить с электронных услуг не только при продаже физлицам, но и компаниям (ранее в B2B НДС самоуплачивался через механизм налогового агента, что часто не выполнялось на практике). В результате бюджет стал получать существенные доходы от глобальных IT-гигантов (Google, Apple, Microsoft и др.), работающих на российском рынке.

Что касается налога на прибыль цифровых компаний, в РФ пока нет отдельного режима или надбавки для IT-сектора. Напротив, государство старается стимулировать отечественную IT-отрасль: с 2021 года для аккредитованных IT-компаний снижена ставка налога на прибыль до 3% и тарифы страховых взносов до 7,6% в рамках поддержки цифрового развития. То есть отечественные разработчики ПО и сервисов получили налоговые льготы, а не обременения. Идеи же обложения иностранных цифровых корпораций дополнительным налогом (аналог DST) официально не реализованы. Российская Федерация участвовала в переговорах ОЭСР по поиску глобального решения и, видимо, предпочитает дожидаться многосторонних правил,

нежели вводить национальный налог на цифровые услуги и рисковать торговыми спорами. Тем не менее, на уровне экспертов такие предложения звучали. В 2019–2020 гг. обсуждалась возможность взимать с транснациональных ИТ-корпораций специальный сбор за деятельность в Рунете – либо в форме налога на прибыль с «цифрового постоянного представительства», либо как фиксированный сбор в фонд развития цифровой экономики. Пока эти идеи остались на уровне дискуссий [4,10].

Налоги на данные и информационные ресурсы. В России прямых налогов на сбор или использование данных нет. Однако государство косвенно регулирует оборот данных через законы о персональных данных (хранение на российских серверах) и через антимонопольное законодательство (например, закон о защите конкуренции в отношении владельцев «значимых» информационных систем). В 2022 году возникла инициатива монетизации больших данных: предлагалось создать механизм, чтобы граждане получали вознаграждение, а государство – отчисления, когда их персональные данные используются компаниями в коммерческих целях. Но законодательного воплощения эта задумка пока не получила. Таким образом, «налогообложение данных» в российской реальности сводится к общим налогам на прибыль компаний, которые эти данные монетизируют, и к плате за предоставление государственных данных (портал открытых данных, например, может вводить платные API для коммерческого использования). Можно отметить лишь специализированный сбор в смежной области: с 2021 года взимается утилизационный сбор с производителей электроники, который отчасти мотивирован необходимостью утилизировать увеличивающиеся электронные отходы цифровой экономики – но это скорее экологический платеж, чем налог на информационный ресурс.

Автоматизация и роботизация. В России на уровне правительства пока не вводились налоги на роботов или ИИ. Однако на законодательном уровне, как упоминалось, в 2023 году сенатор Е. Афанасьева предложила ввести налог на робототехнику, используемую для замещения работников. Идея вызвала широкую дискуссию. Представители бизнеса раскритиковали инициативу, указав, что такой налог может затормозить инновации и снизить конкурентоспособность российских предприятий. В итоге на практике никаких изменений не произошло – предложение не перешло в стадию законопроекта. Тем не менее, сам факт появления такой инициативы в Совете Федерации отражает озабоченность возможной технологической безработицей. В ближайшей перспективе более вероятен не прямой налог, а иные механизмы: скажем, ограничение льгот или субсидий для чрезмерно автоматизированных компаний, либо квоты на долю человеческого труда в отдельных отраслях. Пока же государство, наоборот, инвестирует в развитие ИИ (принята Национальная стратегия развития ИИ), а налоги пытается снизить (например, обсуждается снижение страховых взносов на зарплаты специалистов, чтобы удешевить человеческий труд и снизить стимулы к полной автоматизации).

Криптовалюты и цифровые финансовые активы. Российские реалии налогообложения виртуальных активов находятся в стадии формирования. До недавнего времени прямого упоминания криптовалют в Налоговом кодексе не было, но де-факто ФНС требовала декларировать доходы. Еще в 2018 году ФНС в официальном письме разъяснила, что доход физических лиц от операций с криптовалютой облагается НДФЛ на общих основаниях. То есть гражданин, продавший биткойны с прибылью, обязан сам рассчитать и уплатить 13% (а с 2021 г. – 15% с суммы свыше 5 млн руб.) как с дохода от имущества. Однако отсутствие прямого закона затрудняло контроль. В 2020 году был принят закон №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах (ЦФА) и цифровой валюте», который признал криптовалюту имуществом и ввел

обязательство по декларированию крипто-державностей свыше определенной суммы. За сокрытие сведений – штрафы. Полноценное налоговое регулирование оформилось законопроектом, который долго обсуждался и был окончательно одобрен в конце 2024 года. Согласно этому проекту (поправки в НК РФ), криптовалюта официально признается имуществом для целей налогообложения, налоговая база по операциям определяется как разница между ценой продажи и документально подтвержденными расходами на приобретение (или добычу) цифровой валюты. Физические лица будут уплачивать НДС 13/15%, компании – налог на прибыль 20% с операций. Предусмотрено освобождение от НДС операций с криптовалютой – законодатель прямо указал, что обмен или продажа криптоактивов НДС не облагается (по аналогии с валютными операциями). Также устанавливается обязанность как для граждан, так и для организаций сообщать в налоговые органы о совершенных транзакциях с цифровой валютой, если общая сумма операций за год превышает 600 тысяч рублей. Налоговые агенты (например, обменники, операторы обмена цифровой валюты) должны будут удерживать налоги или подавать сведения о клиентах. Введены штрафы за неотчетность. Таким образом, к 2025 году Россия создает нормативную базу, чтобы вывести рынок криптовалют из серой зоны и обеспечить налогообложение виртуальных активов в общем режиме.

Отдельно в рамках российского права регулируются цифровые финансовые активы (ЦФА) – это токены, выпускаемые по разрешенным схемам (через информационные системы, одобренные Банком России). Закон №259-ФЗ и последующие акты ввели для них режим, аналогичный ценным бумагам. Доходы по ЦФА (например, цифровым облигациям) облагаются налогами аналогично обычным финансовым инструментам – купоны как проценты, продажа с прибыли – как доход от реализации имущества. В 2022 году были приняты поправки, уточняющие налогообложение ЦФА, в том числе освободили от НДС услуги операторов этих активов. В итоге можно сказать, что российская налоговая система по состоянию на 2025 год: (а) установила обложение НДС на электронные услуги нерезидентов, (б) заканчивает формировать режим обложения доходов от криптовалют и токенов, (с) предоставляет налоговые льготы и преференции IT-отрасли, вместо введения новых «цифровых» налогов. Прямых налогов на данные, на роботизацию или на иные нематериальные факторы пока нет, хотя внимание к этим вопросам растет.

Перспективные меры регулирования и внедрения цифровых налогов

Анализируя теорию и опыт, можно обозначить ряд перспективных шагов, которые Россия и другие страны могут предпринять для эффективного налогообложения информационного мира:

- Адаптация налоговой базы и критериев налогообложения. Необходимо расширять законодательные определения объектов налогообложения, включая новые нематериальные активы. Ввести понятие «цифрового постоянного представительства» – законодательно закрепить, что значительная экономическая деятельность в стране через интернет (определяемая по числу пользователей, объему продаж или собранных данных) создает налоговые обязательства. Это позволит облагать налогом прибыль цифровых корпораций справедливее, без ожидания глобальных соглашений.
- Введение целевых цифровых налогов на сверхдоходы. Рассмотреть возможность умеренного налога на выручку от цифровых услуг крупнейших компаний, действующих

- в Рунете (аналогично DST во Франции, Великобритании и др.), с оговоркой об отмене, если заработает многосторонний механизм ОЭСР. Такой налог мог бы составлять 3-5% от доходов от рекламных онлайн-сервисов, маркетплейсов и иных цифровых платформ с существенной пользовательской базой в РФ. Порог освобождения – для малого и среднего IT-бизнеса – позволит не задеть стартапы и отечественные компании.
- Развитие налогообложения криптоиндустрии. После принятия базового закона нужно обеспечить его реализацию: наладить обмен информацией между криптобиржами и ФНС, упростить гражданам декларирование цифровых активов (например, через интеграцию с «Госуслугами»). В перспективе, по мере развития цифрового рубля (CBDC), можно интегрировать смарт-контракты в налоговые механизмы – например, автоматическое удержание налога при некоторых транзакциях с цифровыми активами. Также стоит мониторить международные тенденции – введение налога на майнинг за рубежом – и при необходимости применять подобные меры (например, акциз на потребление электроэнергии майнерами в регионах, где это создает нагрузку на сеть).
 - Фискальные меры против технологической безработицы. Хотя сейчас Россия стимулирует внедрение ИИ, нужно заранее предусмотреть инструменты на случай резкого высвобождения рабочей силы. Кроме социально-образовательных программ, это может быть *элемент налогообложения*: например, ввести пониженные ставки налогов на труд (что уже делается) и одновременно рассмотреть дополнительный сбор с высокоавтоматизированных производств, если доля машинного труда превысит определенный порог. Такой сбор, аналог налога на роботов, мог бы направляться в фонд переобучения и поддержки занятости. Его введение должно быть гибким и поэтапным, чтобы не отпугнуть инвесторов.
 - Налогообложение данных и цифрового контента. В среднесрочной перспективе возможно пилотирование налога на коммерческое использование больших пользовательских данных. Например, компании, чья бизнес-модель основывается на продаже персонализированной рекламы, могли бы отчислять процент от выручки в специальный фонд (аналоги обсуждаются в ЕС – своего рода *data levy*). Эти средства могут идти на обеспечение конфиденциальности, развитие отечественных дата-центров, компенсацию гражданам (как «дивиденд от данных»). Внедрение потребует точного определения базы (доход от рекламы, основанной на данных российских пользователей) и механизма администрирования, но создало бы прецедент распределения ценности данных с обществом.
 - Совершенствование международного сотрудничества. Россия, как часть глобальной экономики, должна активно участвовать в формировании единых правил налогообложения цифровой эпохи. Это подразумевает поддержку реализации договоренностей ОЭСР по Пиллару Один и Два, адаптацию своего налогового законодательства к новым стандартам, заключение двусторонних соглашений об обмене информацией о цифровых доходах. Также важно учесть национальные интересы: например, при распределении прибыли крупных корпораций по Пиллару Один отстаивать учет численности и активности русскоязычной аудитории в глобальных сервисах (что отражает вклад России в их прибыль). Международная координация необходима и для налогообложения криптоактивов – обмен данными о транзакциях, совместная выработка правил для трансграничного обращения цифровых валют (во избежание арбитража между разными режимами).

- Цифровизация налогового администрирования. Внедрение цифровых налогов должно сопровождаться высокотехнологичным администрированием. ФНС России уже является одним из мировых лидеров по цифровому налоговому мониторингу. Следует и дальше развивать автоматический сбор и анализ данных о электронных продажах, онлайн-кассы, прослеживаемость товаров и услуг. Использование технологий больших данных и искусственного интеллекта самим налоговым органом поможет эффективно собирать налоги с цифровой экономики с минимальными издержками. Например, можно внедрить алгоритмы для отслеживания доходов российских блогеров и фрилансеров на зарубежных платформах и напоминания им об уплате налога на профессиональный доход. Чем более «умной» будет налоговая система, тем легче администрировать даже сложные и новые налоги.

Заключение

Налогообложение информационного мира – один из главных вызовов для налоговой системы в XXI веке. Цифровая экономика порождает новые формы ценности, которые не видно невооруженным глазом – данные, алгоритмы, виртуальные активы – но которые формируют значительные доходы. Традиционные подходы налогообложения, основанные на физическом присутствии и материальных товарах, нуждаются в пересмотре. Международный опыт показывает разносторонний поиск решений: от точечных налогов на цифровые услуги и энергоемкие процессы до глобальной реформы принципов налогообложения прибыли. Россия, интегрируясь в эти процессы, уже сделала первые шаги (налогообложение электронных услуг, законодательство о цифровых активах) и стоит на пороге внедрения новых правил для криптовалют.

Теоретические концепции «налога на незримое» постепенно переходят в практическую плоскость. Вероятно, в ближайшие годы мы увидим формирование целого комплекса «цифровых налогов»: одни из них станут частью международных соглашений, другие – национальными ноу-хау отдельных стран. Ключевой принцип – обеспечить справедливое и эффективное налогообложение, не задушив при этом инновации. Государствам придется действовать аккуратно, экспериментируя с новыми налоговыми механизмами и обмениваясь опытом.

Для бизнес-сообщества и налоговых консультантов это означает необходимость внимательно следить за появлением новых налоговых обязательств в цифровой сфере. Компаниям нужно готовиться к повышению прозрачности операций, возможному росту налоговой нагрузки на цифровой сегмент и пересмотру своих бизнес-моделей с учетом новых фискальных правил. В то же время цифровые налоги могут открыть и новые возможности: например, стимулировать инвестиции в локальную инфраструктуру (чтобы сократить налоги на трансграничные услуги) или ускорить переход на «зеленые» дата-центры (под давлением налогов на углеродный след IT). Налоговая система всегда эволюционирует вслед за экономикой – и сейчас на наших глазах происходит ее адаптация к информационному миру. Грамотное внедрение механизмов налогообложения данных, ресурсов и виртуальных активов позволит государствам получать свою долю от цифровой экономики, поддерживая социально-экономическое развитие в новой реальности.

Библиография

1. Билл Гейтс предсказал появление налога на роботов. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ –2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791696> .
2. В Совете Федерации предложили ввести налог на роботов. [Электронный ресурс] // Lenta.ru – 2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/03/ploti/> .
3. Информация. ФНС России “О налогообложении электронных услуг...” [Электронный ресурс]// Consultant.ru. – 2016. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/46722.html> .
4. Кабмин одобрил налогообложение операций с криптовалютой. [Электронный ресурс]// Право.ru –2024. URL: <https://pravo.ru/news/256102/> .
5. Корниенко Н.Ю. Актуальные проблемы налоговой системы в условиях цифровой экономики. // М.: РАНХиГС. – 2018. – 5 с.
6. Digital Taxation Around the World [Электронный ресурс] // Tax Foundation. – 2024. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/global/digital-taxation/> .
7. Investopedia – Digital Asset Mining Energy (DAME) [Электронный ресурс] // Tax Foundation. – 2025. URL: <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-asset-framework.asp> .
8. IRS – Digital Assets (virtual currencies are property) [Электронный ресурс]// 2023. URL: <https://www.irs.gov/filing/digital-assets> .
9. PwC Kazakhstan. A tax on digital mining has been introduced [Электронный ресурс] // 2021. URL: <https://www.pwc.com/kz/en/pwc-news/ta-reports/tax-legal-alert-fy19/100-november-2021.html> .
10. Zaretsky R. Big Tech Has Our Data. Should We Tax Them on It? [Электронный ресурс]// Tax Policy Center. – 2021. URL: <https://taxpolicycenter.org/taxvox/big-tech-has-our-data-should-we-tax-them-it> .

Taxation of the Digital World: Concept, Mechanisms and Prospects

Evgenii V. Sivkov

PhD in Economics,

Tax Consultant,

Independent Expert,

119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: evg@sivkov.biz

Abstract

The digital economy is rapidly transforming global markets, creating new challenges for tax systems worldwide. Traditional taxation principles based on physical assets and territorial presence prove inadequate for regulating intangible assets such as data, algorithms, computing power, and virtual assets. This leads to tax base erosion and necessitates a fundamental revision of taxation mechanisms. The article examines theoretical foundations for taxing "intangible" elements in the digital era, including the concept of "digital presence" and new approaches to identifying tax liabilities for companies without physical offices in a country. The methodology incorporates fundamental scientific principles: literature analysis, synthesis, and generalization. Special attention is given to taxation of data, virtual assets, and digital services, along with analysis of international practices including OECD BEPS projects, digital services taxes (DST), and the global minimum tax. The paper proposes forward-looking measures to adapt Russia's tax system to digital economy realities, including tax base expansion, digital tax implementation, cryptocurrency regulation, and enhanced international cooperation. Modern taxation mechanisms must account for new economic realities to ensure fair taxation and prevent revenue erosion.

For citation

Sivkov E.V. (2025) Nalogooblozhenie informatsionnogo mira: kontseptsiya, mekhanizmy i perspektivy [Taxation of the Digital World: Concept, Mechanisms and Prospects]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (1A), pp. 583-596. DOI: 10.34670/AR.2025.82.92.058

Keywords

Digital economy, digital taxes, assets, taxation, securities, markets

References

1. Bill Gates predicted the emergence of a tax on robots. [Electronic resource] // Kommersant - 2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791696> .
2. The Federation Council proposed to introduce a tax on robots. [Electronic resource] // Lenta.ru - 2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/03/ploti/> .
3. Information. Federal Tax Service of Russia “On the taxation of electronic services ...” [Electronic resource] // Consultant.ru. - 2016. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/46722.html> .
4. The Cabinet of Ministers approved the taxation of cryptocurrency transactions. [Electronic resource] // Pravo.ru – 2024. URL: <https://pravo.ru/news/256102/> .
5. Komienko N. Yu. Actual problems of the tax system in the context of the digital economy. // M.: RANEPa. - 2018. - 5p.
6. Digital Taxation Around the World [Electronic resource] // Tax Foundation. - 2024. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/global/digital-taxation/> .
7. Investopedia - Digital Asset Mining Energy (DAME) [Electronic resource] // Tax Foundation. – 2025. URL: <https://www.investopedia.com/terms/d/digital-asset-framework.asp>
8. IRS – Digital Assets (virtual currencies are property) [Electronic resource]// 2023. URL: <https://www.irs.gov/filing/digital-assets>
9. PwC Kazakhstan. A tax on digital mining has been introduced [Electronic resource] // 2021. URL: <https://www.pwc.com/kz/en/pwc-news/ta-reports/tax-legal-alert-fy19/100-november-2021.html>
10. Zaretsky R. Big Tech Has Our Data. Should We Tax Them on It? [Electronic resource] // Tax Policy Center. – 2021. URL: <https://taxpolicycenter.org/taxvox/big-tech-has-our-data-should-we-tax-them-it>